

К ВОПРОСУ О «ЛИЧНОМ» И «ОБЩЕСТВЕННОМ» В КОНЦЕПЦИИ ХРИСТИАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА С. Н. БУЛГАКОВА

The article deals with topicality of Sergey Bulgakov's philosophical oeuvre. In the article the concept of the Social Christianity is considered. The interconnectivity and interdependency of spiritual life and worldly activity are explained. These relations' resolution of the Orthodox Church is revealed. The author researches the correlation of normative ethics and personal morals. Sergey Bulgakov's viewpoint on personal liberty necessity in the movement of Social Christianity in the range of political and economic relations is analysed.

Введение. Конец XIX в. был отмечен нарастанием «чувства чрезвычайности» (А. Белый) и усилением интереса к историософской и философско-нравственной проблематике. В. С. Соловьев и его последователи, в число которых входил и С. Н. Булгаков, видели кризисные тенденции общественного развития, которые ныне приобретают глобальный характер. Они обличали варварскую эксплуатацию человека, критиковали международную имперскую политику за ее бесчеловечность и упрощенные социальные проекты, которые приветствовались утопически настроенной русской интеллигенцией.

В 1902 г. по инициативе С. Н. Булгакова издается сборник статей «Проблемы идеализма», объединивший представителей очень разнородных течений. В частности, сам С. Н. Булгаков вместо старого и бессильного идеализма предлагает волевой, действенный идеализм как философско-этическую проекцию универсально понятого христианства как глобального проекта. Такой идеализм не отворачивается ни от материи, ни от политики, а ставит задачу преобразования этих сфер. С. Н. Булгаков в духе В. С. Соловьева показывает нравственную обязанность христианина отвечать не только за свою душу, но и за целое общество.

Основная часть. Прошло сто лет, и что мы видим? В начале 90-х гг., уже в конце XX в., в России утвердился культ нравственного нигилизма и вседозволенности. На обломках коммунистической морали возникла идеология «раскрепощения» и успеха любой ценой. В экономике стал доминировать «дикий капитализм», основанный на жажде наживы и сопровождаемый переделом собственности. В политике возторжествовал диктат безнравственных технологий, школа и масс-медиа оказались наполнены пропагандой половой распущенности, зарабатывания денег как единственной цели жизни. На идеалы патриотизма, общинности, семьи, веры, социальной справедливости было наложено негласное табу. «Вынужденный аскетизм и смирение, нищета и бесправие» (С. Н. Булгаков) так же стояли и стоят на пути развития народа.

Как представляется, не будет преувеличением сказать, что философия С. Н. Булгакова по уровню теоретического анализа и постанов-

ке проблем во многом созвучна нашему времени; и вовсе не случайно в наши дни резко негативное отношение к нему как «философумистику» и «защитнику капитализма» ушло в прошлое, а «минус» сменился на «плюс». Сергея Николаевича Булгакова издают, на него ссылаются, апеллируют к авторитету его имени, цитаты из его трудов служат внушительным подспорьем для подтверждения или опровержения тех или иных суждений.

В начале XX в., в эпоху господства экономического, исследователи хозяйства и экономических идей достаточно редко затрагивали в своих работах религиозные аспекты. С. Н. Булгаков в своих исследованиях, напротив, прочно связал их с хозяйственными вопросами, утвердительно ответив на вопросы о существовании связи между религией и политикой, между духовностью и социальностью. Религия, по мнению русского философа и богослова, может побуждать людей не только к личному благочестию и благотворительности, но и к честной работе в «миру», к улучшению политической и экономической систем, к доброжелательному диалогу со всеми людьми доброй воли, другими словами, к активности в сферах, которые традиционная религиозность полагает светскими [7].

При понимании христианства как этической, а не магической религии, проблема соотношения добра и зла не изымается из сферы светского. Именно в духе этического универсализма, включающего в себя и социальную этику, которая не знает жесткого разделения на религиозное и светское, понимал христианство и С. Н. Булгаков. Он (как и некоторые другие русские и западные мыслители) совместил в своем сознании христианскую и социальную парадигмы в их иерархическом соподчинении, предложил концепцию христианского социализма.

Сущность христианского социализма для С. Н. Булгакова состоит в признании религиозной значимости безликих социально-политических структур. Христианский социализм, таким образом, есть христиански осмысленная социальная этика. С. Н. Булгаков писал: «Православная Церковь de facto определила свое отношение к социальному вопросу. Правда, доселе так и не было дано "вероучительного

определения" о природе социализма ни в русской церкви, ни во вселенском православии. Но социализм, как социально-экономическая доктрина, вовсе и не является вопросом вероучения». С. Н. Булгаков считал, что «цель социализма, понятая как осуществление социальной справедливости, защиты слабых, борьбы с бедностью, безработицей, эксплуатацией, – в такой степени нравственно самоочевидна, что разногласие может быть только относительно практической целесообразности или осуществимости тех или иных мероприятий» [3, с. 566–568].

Немногие религиозные мыслители тесно связывают христианскую (православную) этику с трудовой, хозяйственной, как это делает С. Н. Булгаков. Во многих из своих работ с вопросом об общественном идеале он ставит вопрос об идеале экономическом. Социальная жизнь для С. Н. Булгакова не может быть оторвана от жизни хозяйственной. Политику он определяет как общественную мораль, политическую экономию – как прикладную этику. Политическая экономия для С. Н. Булгакова – наука, раскрывающая глаза на социальные обязанности, вытекающие из евангельской заповеди любви к ближнему. Откровение дает вполне определенные руководящие нормы общественного устройства, первойшей из которых является заповедь трудиться в меру сил и умения, исключая праздность и недобросовестность. Мир как объект трудового, хозяйственного воздействия, по существу, всегда находился в сфере интересов С. Н. Булгакова [8, с. 166]. «Политика или общественная мораль становится рядом с личной моралью, – писал С. Н. Булгаков, – представляя необходимое ее развитие и продолжение. Мораль перерастает в политику, при этом политика, конечно, не может явиться чем-то самостоятельным или чуждым морали в отношении основных и руководящих принципов. Хотя принципы морали необходимо и преломлять в социальной среде. Высшей нормой личной морали является заповедь о любви к ближнему. Примененное в качестве критерия социальной политики – это начало превращается в требование справедливости, признания за каждым его прав. Справедливость есть форма любви, как отмечает Вл. Соловьев в "Оправдании добра"» [2, с. 298].

В «Предисловии» к «Философии хозяйства» он писал: «Факт хозяйства всегда возбуждал во мне философское «удивление», и проблема философии хозяйства – о человеке в природе и о природе в человеке – в сущности никогда не сходила с моего духовного горизонта, поворачиваясь лишь разными сторонами». С. Н. Булгаков никогда не ставил знака равенства между обобщенным «экономическим человеком» и конкретным индивидуумом, обладающим неповторимыми чертами. За абстрактными рас-

суждениями о науке политэкономии русский мыслитель не забывал о том, что эта наука рассматривает весьма важную сторону человеческой деятельности. Однако он не абсолютизировал ее, полагая, что она является не единственной, а одной из сторон проявления человеческой личности. «Обреченность» человека жить в этом мире, его прямая обязанность трудиться, которая связана с законами существования человека, законами истории, законами экономики, не превращает человека в исключительно «бескрылого раба», действующего в определенных механизмом причин и следствий границах и призванного подчиняться высшим законам. По мнению философа, «люди должны не только заботиться о поддержании жизни, но и быть творцами истории, творцами культуры» [6, с. 82]. «Исходя из одного представления о механизме, – пояснял С. Н. Булгаков, – нельзя даже понять до конца хозяйственную жизнь; вне личной инициативы, вне творческого к ней отношения, вне различных волевых импульсов – одной рутинной, или одним своекорыстным интересом невозможно даже поддержание status quo, а тем более невозможен хозяйственный прогресс» [5, с. 637]. Идеал «свободы личности и уважения человека к человеку и должен быть руководящей идеей христианской политики в области отношений как политических, так и экономических» [1, с. 32].

С. Н. Булгаков в своем творчестве не раз возвращается к проблеме взаимоотношений двух жизненных сфер человека: его духовной жизни и мирской трудовой деятельности. Его интересует интерпретация этих взаимоотношений различными ветвями христианства и, прежде всего, естественно, православием.

Протестантизм четко и резко подразделяет эти две области человеческого существования. Трудовая деятельность протестанта непосредственно связана с его религией. Признаком истинной веры протестантизм считает не столько внешнее исполнение человеком религиозных предписаний, сколько честное выполнение своих обязанностей. Католичество разрешает важнейшие жизненные проблемы на основе строгого иерархического подчинения клерикальной организации жизни. В католичестве церковная жизнь вдохновляет человека на мирскую трудовую деятельность.

В отличие от католичества и протестантизма, православие, по мысли Булгакова, пронизывает «религиозным вдохновением» не только храмовую жизнь, но и весь быт человека. Освящение быта (труд, семейные отношения, еда, сон, одежда, любая повседневность) вообще свойственно православию, оно сопровождает человека от рождения до самой смерти. У православия, писал о. Сергей, есть могучие средства воспитания личности, пробуждения и «вы-

работки» у нее «чувства личной ответственности и долга», столь необходимых для экономической деятельности и для всех остальных видов общественного служения. Среди таких средств он выдвигает на первый план дисциплину «аскетического послушания». Христианство придает вопросам хозяйства «аскетический обертон, религиозно-этический мотив самообуздания и служения ближнему».

Наиболее ярко С. Н. Булгаков представил свои взгляды на социальный вопрос в статье «Неотложная задача»: «По учению христианства история есть богочеловеческий процесс, в котором собирается и организуется единое человечество, "тело Христово". Для этой задачи мало одних усилий личного усовершенствования и душеспасительства, но необходимо воздействие и на общественные формы и на внешние отношения людей между собою, необходима не только личная, но и социальная мораль, т. е. политика» [1, с. 31]; «пора, наконец, понять в самом деле, что Христова заповедь: одеть холодного, накормить голодного, посетить заключенного в тюрьме – исполняется в настоящее время более чем в какой бы то ни было другой форме посредством сложной социальной техники – социального законодательства, рабочих организаций, стачек, кооперативного движения. Ведь если искренне желать исполнять заповедь Христову, то нужно и уметь ее исполнять, знать нужные и пригодные средства к ее исполнению» [1, с. 36–37].

Сущность христианского социализма, таким образом, состоит в концептуальном сочетании «правды социализма» и христианской этики.

Заключение. К сожалению, в нашей стране (как и в России) до сих пор религиозность понимается только как «частное дело граждан». Конечно, это частное дело в том смысле, что принадлежность к определенному вероисповеданию не должна как-либо сказываться на социально-правовом статусе граждан. Но отсюда не следует, что религия (как частный случай мировоззрения) не может быть ориентационным и мотивирующим фактором в политической и экономической деятельности как отдельного человека, так и всего общества.

Одной из причин отрицания христианского социализма современным обществом, как пред-

ставляется, является жесткое деление на светское и церковное; духовность в восточном стиле понимается как образ внутреннего совершенствования, потому попытки привнести христианские принципы в общественную нередко вызывает отторжение и в среде церковных людей, и в среде светских людей.

«Труден путь через современность к православию и обратно», – писал С. Н. Булгаков в «Свете невечернем». Тернистость этого пути о. Сергей познал на своей собственной нелегкой судьбе. «Современность» сдвинулась вперед на столетие, и с тех пор этот путь вряд ли стал легче. Впрочем, С. Н. Булгаков это предвидел: «Осознать себя со всей исторической плотью в православии и чрез православие, постигнуть его вековечную истину чрез призму современности, а эту последнюю увидеть в его свете, – такова жгучая, неустрашимая потребность, которая ощущалась явно с XIX в., и чем дальше, тем становится острее» [4, с. 3]. Идеи прот. Сергия Булгакова могут быть востребованы.

Литература

1. Булгаков, С. Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) / С. Н. Булгаков // Христианский социализм. – Новосибирск, 1991. – 350 с.
2. Булгаков, С. Н. От марксизма к идеализму: сб. ст. (1896–1903) / С. Н. Булгаков. – СПб., 1903.
3. Булгаков, С. Н. Православие и социализм / С. Н. Булгаков // Труды по социологии и теологии. – М.: Наука, 1997. – Т. 2.
4. Булгаков, С. Н. Свет невечерний / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994.
5. Булгаков, С. Н. Сочинения: в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1993. – Т. II.
6. Булгаков, С. Н. Христианский социализм / С. Н. Булгаков // Христианский социализм. – Новосибирск, 1991. – 350 с.
7. Павлов, Игумен Иннокентий. С. Н. Булгаков об общественном идеале / Иг. И. Павлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=755&art_id=3993 / Дата доступа: 17.01.2008.
8. Скоробогатько, А. В. Общественный идеал в русской философии: монография / А. В. Скоробогатько. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 240 с.